

И. П. Пярт,
Л. И. Дубьева,
Т. Швак

ЦЕРКОВЬ И ПРАВОСЛАВНЫЕ ШКОЛЫ В ПРИБАЛТИЙСКОМ КРАЕ в 1840–1918 гг.¹

УДК 348.01/07

ББК 74.200.51

В статье раскрывается история появления и развития сети православных школ в Прибалтийском крае с 1840-х гг. в связи с движением обращений в православие эстонских и латышских крестьян, прослеживая их развитие до 1918 г. На основе архивных и опубликованных источников авторы статьи исследуют основные вехи развития православных школ, институты управления, учебные программы и значение этих школ в культурно-социальной истории региона.

Ключевые слова: православная церковь; приходская школа; вспомогательная школа; псаломщик; школьмейстер; Рижская Духовная семинария; Рижский учебный округ; Лифляндия; Эстляндия; Закон Божий; Синод; русский язык.

I. PAERT, L. DUBJEVA, T. SCHVAK

CHURCH AND ORTHODOX SCHOOLS IN THE BALTIC REGION IN 1840–1918

The article explores the history of emergence and development of the network of Orthodox schools in the Baltic region beginning from 1840s as a part of the conversion movement of Estonian and Latvian peasants into Orthodoxy, tracing their history up to 1918. The authors of the article explore on the basis of archival and published sources main milestones of the schools' development, the governing bodies, curricula and the impact of the Orthodox schools in the cultural and social history of the region.

Key words: Orthodox church; parish school; auxiliary school; cantor; schoolmaster; Riga Ecclesiastical seminary; Riga Teaching district; Livland; Estland; Religion; Synod; Russian language.

¹ Статья написана при поддержке гранта Эстонского научного фонда PUT 428.

Развитие православных школ в Лифляндской и Эстляндской губерниях было связано с обращениями крестьян в православие в 1840-х гг. и 1880-х гг. Главной причиной переходов в православие в 1840-х гг. были, как нам представляется, невыносимые условия жизни, результаты векового крепостного права, хотя на данных землях формально его уже не существовало. Представители просвещенной немецкой элиты отмечали исключительно жестокие условия исторического закабаления крестьян в Прибалтике. Йоганн Готфрид Гердер (1744–1803), в 1760-е гг. живший в Риге и включивший позднее в свою знаменитую антологию *Volkslieder* (1778–1779) эстонские и латышские народные песни, писал: «Судьба народов на побережье Балтийского моря составляет печальную страницу в истории человечества <...> Человечество ужаснется той крови, которая пролилась здесь в диких войнах, продолжавшихся до тех пор, пока древние пруссы не были почти целиком истреблены, а курши и латыши обращены в рабство».¹ Освобождение крестьян от крепостного права в 1819 г. дало крестьянам право на личную свободу, но экономически и социально они оставались в большой зависимости от помещиков. Аграрный кризис 1840-х гг. усугубил нужду крестьян: в новых социальных условиях, сложившихся после эманси-

пации крестьянского населения, кризис резко ударил по экономически слабым арендаторам. В результате введения севооборота на помещичьих мызах в несколько раз возросли затраты труда, а падение урожая яровых в 1836 г. и неурожай в юго-восточной Эстонии 1840 г. привели к жестокому голоду среди крестьян. Так как дворянство не считало, что оно по-прежнему должно нести моральную ответственность за крестьян, ожидания со стороны обездоленных крестьян в том, что им будет оказана помощь, были обмануты. Инициатива переходов в православие в Лифляндии исходила от самих крестьян. Распространение слухов о том, что перешедшим в православие крестьянам русский царь даст желанную землю, были одной из форм выражения социального кризиса. В то время, как слухи о наделении землей оказались ложными, освобождение от налогов в пользу лютеранской церкви было более реальным, хотя это произошло не сразу.²

Так называемое народное «брожение» в Лифляндии начинается уже в начале 1840-х, когда крестьяне стали просить разрешения на переселение в южные губернии России, выражая свои требования на языке религии: «Хотим слушать слова божьего и царского». В начале 1840-х гг. крестьянские делегаты приходят на прием к епископу Иринарху (Попову), возглавляющему в 1836–1841 гг. не-

¹ Цит. по: Рыжакова, С. Латышская национальная история: о культурных механизмах в конструировании и реферировании прошлого / С. Рыжакова // Антропологический форум. – 2005. – № 11. – С. 231

² Ryan D. *The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic periphery 1845–1870s*. PhD Dissertation. UCLA. 2008.

давно учрежденный в Риге викариат. Православное духовенство по своей малочисленности не могло играть роль «зачинщика» обращений, но прием у православного епископа как выражение сочувствия крестьянам мог служить явным знаком того, что и российские власти благоприятно настроены к движению в православие. Росту «брожения» способствовали слухи о наделении земель. Внимая жалобам помещиков, в 1841 царское правительство снимает епископа Иринарха с Рижской кафедры и проводит расследование.¹ Православному духовенству было приказано строго предупреждать крестьян о том, что обращение в православие не несет с собой никаких материальных выгод.² Движение обращений в православие возобновилось в 1845 г. после очередного неурожая. В этот раз царское правительство заняло позицию поддержки новообращенных в православие крестьян, невзирая на жалобы помещиков.

Безусловно, обращения в православие, начавшись «снизу», нарушили статус кво в отношениях между балтийскими помещиками и царским правительством. Нейтральная до середины 1840-х гг. позиция правительства и православной церкви по отношению к конфессионально-однородному лютеранскому региону исключала активную миссионерскую политику. Она допускалась только по отношению к

этнически-русским старообрядцам в Лифляндии, некоторые из которых в конце 1830-х гг. обратились в единоверие. Обращения эстонских и латышских крестьян в православие, таким образом, создали новую ситуацию, приведшую к нарушению социального баланса в регионе. «Золотой век» остзейского дворянства клонится к закату, так как политические последствия массовых конверсий подрывают основы административной и культурной независимости балтийско-немецкого населения, а в отношениях между локальными элитами и имперской властью начинает назревать конфликт.³

Безусловно, крестьяне Прибалтийских губерний были мало знакомы с православием. В движении было важным не столько стремление присоединиться к православию, сколько, по-видимому, желание отсоединиться от лютеранской церкви. В то время как бедные крестьяне воспринимали членство в лютеранской церкви как налоговое бремя, искренние верующие разочаровывались в возможности духовной свободы внутри церкви, которая находилась под контролем остзейских немцев. Не напрасно многие историки связывали обращения в православие с гернгутерским движением, распространение которого было ограничено законом 1838 г.⁴ Так, например, группа латышских гернгутеров во главе с Давидом Баллодом была одной

¹ Гаврилин, А. Очерки истории Рижской епархии / А. Гаврилин. – Рига, 1999. – С. 93.

² Обычно давался испытательный срок в 6 месяцев для желающих обратиться в православие.

³ Whelan, H. Adapting to Modernity. Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. – Wien, 1999.

⁴ Например, так считал историк церкви Arthur Vöböus.

из первых, перешедших в православие с условием сохранения в их общинах некоторых гернгутерских обычаев.

В динамике распространения православия играли роль разные факторы. Даже внутри одной волости было большое расхождение в количестве обратившихся. В одной деревне могло быть до 30 % обратившихся, в то время как в соседней только 1–4 %. Среди факторов, способствовавших переходу, были активность грамотных членов общины, например, учителей, потеря доверия к представителям лютеранской церкви и помещикам. Учитель был авторитетом для крестьян, и поэтому его обращение могло повести за собой других. Так, в Сааремыйза (приход Маарья-Магдалеена) в православие обратились 16.9 %, в то время как в соседних деревнях лишь 1–4 %. Активностью отличался школьмейстер Яан Пуусеп, заинтересовавшийся в православии: с помощью православных книг, которые он взял у муствезского священника, он способствовал переходу в православие местных крестьян, хотя сам остался в лютеранстве.¹ Среди факторов, объясняющих все же относительно низкий процент обращений в лоно государственной церкви, историк Ханс Круус называет как доверительные отношения между пасторами и крестьянами, так и строгость помещиков, жестоко наказывающих крестьян за непослушание.

Волна обращений в православие утихает с 1848 г. Если в 1846 было зарегистрировано 32803 обращений, а в 1847 — 54582, то в 1848 — 8757 в 1849 — 2355. В 1850-е гг только несколько сотен перешли в православие.²

Вторая волна обращений в православие имела место в 80-е годы XIX века в Эстляндской губернии, в основном в Гапсальском (Викском) уезде и на входившем в его состав острове Даго (Хийумаа). Вызвана она была по-прежнему социальными и экономическими причинами. Движение было направлено против остзейских помещиков и лютеранской церкви, но так как его начало совпало с началом периода русификации, то оно получило гораздо большую, по сравнению с 40-ми годами XIX века, поддержку губернских властей и православной церкви. Движение поддержал целый ряд православных священников-эстонцев, и, так как к этому времени было переведено на эстонский язык уже большое количество православной литературы, новообращенным было легче приобщиться к учению церкви и обрядам. В 1883–1884 годах в Эстляндской губернии в православие перешло 5058 человек, в 1885 году — 1800, в 1886 году — 3575 и в 1887 году — 1791 человек, в дальнейшем же волна обращений пошла на убыль и в этих краях.³

¹ *Kruus, H.* Talurahva käärimine Louna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. – Tartu, 1930. Lk. 367.

² *Лейсман, Н.* Судьба православия в Лифляндском крае с 40-х до 80-х годов XIX столетия / Н. Лейсман. – Рига, 1908. – С. 71.

³ *Rebane, L.* Usuvahetuslik liikumine Põhja-Eestis eriti kuberner Polivanovi ajal 1883–1885. Auhinnatöö. – Tartu, 1932. Lk. 1, X; См. также: *Plaat, J.* Usuliikumised, kirikud ja vaba-kogudused Lääne- ja Hiiumaal: usuühenduste muutumi sprintsessid 18. sajandi keskpaigast kuni 20. sajandi lõpuni. – Tartu, 2001. Lk. 127–130.

Школа и ее место в укреплении православия

В развитии православной культуры в Рижской епархии школы становятся не менее важным институтом православия, чем приход. Вокруг них складывается новая общность православных эстонцев и латышей. Согласно указу 8 июня 1846 г., правительство предписало епископу Филарету «позаботиться» о дальнейшем переводе богослужебных книг на эстский и латышский и о том, чтобы священники активно занимались открытием приходских школ для обучения новоприсоединившихся детей Закону Божьему¹. Цели школ были в основном пастырские: воспитывать детей в православной вере. По высочайшему повелению 26 января 1846 г. в каждом новообразованном православном приходе Лифляндской губернии должна была быть учреждена приходская школа. Особенностью церковных школ Остзейского края была двухуровневая система: школы разделялись на приходские и вспомогательные. В приходских школах осуществлялось обучение священниками и псаломщиками безвозмездно. Вспомогательные школы открывались в волостях по мере возможности и на

средства крестьян. Преподавали в них учителя по выбору сельской общины, которая обязывалась содержать учителя и предоставлять ему жилье. Учителя также освобождались от рекрутской повинности. Православные вспомогательные школы возникают еще до появления приходских школ и даже самих приходов. Так, например, на Сааремаа в Лаймяльском приходе открыты две школы в 1846 году, в то время как приход в Лаймяла официально зарегистрирован только в 1848 году, а храм был построен только в 1873 г.² Аналогичный пример дают школы Суйслепского прихода Феллинского благочиния, где приходская школа основана 11.11.1880, в то время как из трех вспомогательных только одна основана одновременно с приходской, а еще две вспомогательных основаны соответственно 1.10.1861 и 15.11.1879³.

Если в 1851 г. в эстонских уездах Лифляндской и Эстлянской губернии насчитывалось 117 православных школ, к 1884/85 их число выросло до 315, с общим количеством учащихся 10439 учеников⁴. В 1905 году по всей Лифляндской губернии (включая латышские) насчитывалось 373 школы, в Эстляндской — 72⁵. География школ

¹ Лейсман. С. 63.

² До строительства каменных храмов крестьяне собирались в крестьянских домах или амбарах для молитвы.

³ Исторический архив Эстонии (ИАЭ), ф. 1655, оп. 2, д. 1780. Л. 36 об.

⁴ *Ernits, E. Oigeusu koolid 1840. Aastatest 1880. Aastate koolireformideni // Nõukogude kool – 1973 – №10 – С. 851–853.* В 1880 г. по всей Прибалтике было 395 приходских и вспомогательных православных школ, в 1887–88 – 465.; *Исаков, С. Г.* Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVII–XIX столетий. Вып. 2 / С. Г. Исаков. – Тарту, 1974. – С., 34.

⁵ Отчет о состоянии православных народных училищ Прибалтийских губерний за 1904–1905 учебный год. Приложение к «Рижские епархиальные ведомости» № 11–12 (1906). – Рига, 1906. – С. 15.

отражала географию обращений в православие: наибольшее количество православных школ было в Южной Эстонии, наименьшее — в Северной. Так, на о. Сааремаа православные школы в 1880-х годах составляли 34,7 % от общего количества школ¹.

Для подготовки священнослужителей (священников и причетников), которые впоследствии преподавали в приходских школах, была создана в 1846 г. Рижская духовная семинария, в которой преподавались латышский и эстонский языки. Возможно, это было первое учебное заведение, имевшее статус гимназии или учительской семинарии, в котором преподавались местные языки. Для подготовки учителей были также учреждены учительские семинарии в Риге (1871) и Дерпте (1878).

В училище при Рижской Духовной Семинарии принимались дети православного исповедания всех сословий, включая крестьян, с оплатой 18 рублей в год за обучение. Бедные ученики из эстонцев и латышей принимались на казенное содержание. В отличие от сословного характера духовных семинарий в России, в Рижскую Духовную семинарию поступали дети эстонских и латышских крестьян, для которых существовали специальные квоты (1/3 эстонцев, 1/3 латышей, 1/3 русских). Так, в 1874 г. были приняты на казенное содержание 17 человек, из них 4 русских, 7 латышей и 6 эстонцев. Требования для получения

стипендии были достаточно высокими. В 1 класс поступали дети от 10 до 12 лет, которые умели читать и писать по-русски, читать по-славянски, знали молитвы, основы чтения из катехизиса, основные действия арифметики и таблицу умножения. Для мальчиков из латышей и эстов требованием было также понимание разговорного русского языка.²

Российские государственные власти в 1860–80-х гг. придавали большое значение православным школам, видя в них не только религиозные, образовательные, но и политические функции.³ Считалось, что большее внимания должно быть обращено на воспитание женщин, так как матери не только занимались домашним обучением детей, но и передавали детям религиозные ценности.

Создание Совета по делам сельских православных народных училищ Прибалтийских губерний в 1870 г. улучшило положение православных школ и дало возможность для влияния Министерства Народного Просвещения на школы в Прибалтике. Хотя Совет возглавлялся епископом Рижским, в него входили представители МНП, как-то: попечитель и окружной инспектор Рижского учебного округа, ректор Рижской духовной семинарии, директора народных училищ Лифляндской и Эстляндской губерний, а также директор Рижской Александровской гимназии. Совет отвечал за распре-

¹ Ernits. Op. cit. – С. 853.

² ИАЭ. Ф. 1944. Оп. 1. Д. 189. Б. п.

³ ИАЭ. ф. 384. Оп. 1. Д. 1136. Л. 2.

деление средств, ассигнованных правительством на содержание школ, издание учебников и контроль за деятельностью школ.

По правилам 1873 года по академической части школы находились в подчинении Дерптского учебного округа¹. Для этой цели были созданы должности инспекторов народных училищ, на содержание которых государство выдавало 1500 рублей в год². Православные школы в 1870 году получили от правительства довольно крупную материальную поддержку, а именно: 800 тыс. руб. для сооружения новых и обновления старых церковных и школьных зданий и 925 десятин казенной земли для наделения школ участками³. Школьные участки использовались для содержания школ: ими мог пользоваться учитель вспомогательной школы, или же участки сдавались в аренду.

После 1890-х гг. и Св. Синод, и Министерство Народного Просвещения перестали считать развитие православного образования в крае приоритетом государственной политики. С введением общеобязательного начального образования и нерешенным вопросом о статусе православных школ в системе церковно-приходских школ Св. Синода православные

школы Эстонии и Латвии оказались в сложном материальном положении. Многие школы продолжали арендовать помещения, непригодные для обучения, многие из учителей, особенно вспомогательных школ, получали достаточно низкую оплату (от 40 до 100 руб. в год) и потому были вынуждены искать заработка на стороне в свободное от уроков время. Конкуренция между школами приводила к тому, что учителя с семинарским образованием не оставались работать в православных школах, а поступали в гимназии или министерские начальные школы, где зарплата была выше⁴.

Жизнедеятельность православной школы

Учебный год и посещаемость

Для многих детей в Южной Эстонии уже с середины 1840-х годов православная школа была иногда единственной возможностью получить начальное образование. Известные как «школы русской веры», они привлекали беднейшие слои населения. Часто ребенок проводил в школе всю учебную неделю, возвращаясь домой только на выходные. В одноклассных приходских школах обучение было четырехлетним, в двухклассных — пятилетним. Во вспомогательных школах срок обучения был обычно

¹ В 1889 г. в управлении Дерптского учебного округа находилось 8 районов управления народными училищами: Рижский, Дерптский, Перновский, Венденский, Вольмарский, Аренбургский, Ревельский и Митавский, покрывая, таким образом, Лифляндскую и Эстляндскую губернии.

² ИАЭ. Ф. 1945. Оп. 1. Д. 95. Б. п

³ Сахаров, С. П. Народное образование в Юрьевском уезде. Из доклада, читанного 21 ноября 1916 г. в Учено-Литературном Обществе при Императорском Юрьевском университете / С. П. Сахаров. — Юрьев, 1917. — С. 6.

⁴ Отчет о состоянии православных народных училищ Прибалтийских губерний за 1904–1905 учебный год. — С. 15.

три года.¹ Отдельных школ для мальчиков и девочек было мало, в основном школы были смешанные.

Согласно закону 1870 г., дети должны были поступать в школу в возрасте 10 лет (с 1880-х гг. начальный возраст обучения уменьшается до 8 лет). Предполагалось, что они приходят грамотными, обучаясь читать в родительском доме. На практике, во многих православных школах большинство детей были неграмотными. Для учителей это представляло большую проблему, так как программа курса была рассчитана на детей, уже умеющих читать, поэтому для неграмотных детей даже устраивались специальные вечерние курсы². То, что в одном классе могли сидеть дети разных возрастных групп и уровня знания, не было спецификой православных волостных школ.³ В этом случае от учителя требовалось большое искусство в ведении урока с учетом разницы в возрасте и подготовке учеников.

Учебный год определялся, в основном, с 1 ноября по 1 апреля. С 19–22 декабря по 19 января детей отпускали на рождественские каникулы. Начало и конец учебы в каждой школе устанавливался индивидуально, даже в пределах одного прихода. Разница могла быть в 1–2 недели. Важным фактором, определяющим начало и

конец школьного года, были начало и конец выпаса скота, зависящий от погодных условий. Тем не менее, в некоторых приходских школах учеба начиналась уже в конце лета (братская школа в г. Аренсбурге), и таким образом ученики успевали усвоить больше материала, чем в деревенских школах.

Сегодня трудно представить, что некоторые дети могут остаться без начального образования, умения читать и писать. Тем не менее, были времена, когда убедить родителей отдать детей в школу было нелегкой задачей: дети в бедных крестьянских семьях, включая девочек, участвовали в семейной экономике, нанимаясь пастухами, поэтому в школу они попадали только по окончании сезона выпаса скота. Многие должны были ухаживать за малолетними братьями и сестрами. Многие беднейшие семьи даже не в состоянии были снабжать детей одеждой и едой для похода в школу. Члены училищных попечительств обходили крестьянские дворы, уговаривая родителей посылать детей в школы. Чтобы улучшить посещаемость, руководство православными школами — по примеру лютеранских школ — пыталось вводить штрафы за непосещаемость — по 1,5 копеек за каждый пропущенный день, но чаще всего эта мера остава-

¹ Отчет о состоянии православных народных училищ Прибалтийских губерний за 1904–1905 учебный год. – С. 39–41.

² Отчет о состоянии школ по Феллинскому приходу за 1893/4 учебный год. // ИАЭ. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 1783. Б. п.

³ Например, в воспоминаниях Оскара Рютли описывается лютеранская школа, в которой один учитель вел одновременно занятие с минимум тремя группами. *Riitli, O. Mälestusi ühe Eesti Sugupõlve tööst ja võistlust (1871–1949)*. – Tallinn: Eestipäevaleht, 2010. – С. 26.

лась неисполнимой: или из-за сопротивления волостных судов, которые должны были взыскивать штрафы на основании рапортов школьных попечителей, или по бедности родителей¹. Тем не менее, введение штрафов за пропущенные дни было достаточно поздним нововведением, часто не оправдывающим себя на практике. Даже в начале XX века было немало случаев, когда дети учились дома и раз в год тестировались учителем². Известны случаи, когда православные дети, нанимавшиеся на работу к помещикам или хозяевам хуторов, не посещали школы по причине отрицательного отношения своих работодателей-лютеран к православию. Так, Феллинский благочинный С. Попов писал 19 декабря 1873 в своем рапорте о том, что «дети бедных родителей, служащие у лютеран-хозяев, которые не в другую какую школу посылают их как только в лютеранскую и, при нежелании их идти туда, никуда не посылают, хотя бы со стороны православных попечителей и священников сто раз возобновлялись требования через мирские суды»³.

Отношение родителей к школе изменилось после введения льгот по воинской повинности в 1885/1886 гг. Выпускники церковно-приходских школ получали право на сокращенный срок воинской службы по результатам экзаменов, принимаемых комиссией, состоящей из трех человек, включая

обязательно представителя духовенства. Успешное обучение в начальной школе давало и другие возможности. Выпускники могли работать учителями в вспомогательных школах, а наиболее способные могли продолжить образование в Рижской Духовной Семинарии, в учительской семинарии или русской городской гимназии. Рижская Духовная Семинария давала образование равное или даже превосходящее по уровню городские гимназии. В 1906–1918 гг. 112 эстонцев, проучившихся в РДС, поступили в ведущие университеты Российской империи, включая Дерптский, Петербургский, Московский, Казанский, Нижегородский и Варшавский университеты, а также коммерческие и педагогические институты, консерватории и военно-медицинские академии⁴. Безусловно, для большинства учеников в приходских школах поступление в высшее учебное заведение было недоступной мечтой.

Материальное обеспечение

Отношение крестьян к школам было неоднородным. В некоторых местностях крестьяне поддерживали школу как могли. Многие родители снабжали школы дровами для отопления. Другие помогали низкооплачиваемому учителю продуктами. Тем не менее, среди бедного населения было распространено убеждение, что школы и приходы должны содержаться за счет правительства.

¹ Отчет о состоянии школ по Эзельскому благочинию за 1887–1888 гг. // ИАЭ. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 3314. Л. 69 об.

² ИАЭ. Ф. 5257. Оп. 1. Д. 26. Б. п.

³ ИАЭ. Ф. 1655, Оп. 2. Д. 1763. Б. п.

⁴ Raudsepp, A. Riia Vaimulik Seminar 1846–1918. – Tartu, 1998. Таблица 10.

Лютеранские церковно-приходские школы содержались за счет церковно-приходских средств, взимаемых по распределению церковно-училищных конвентов (т. е. орган самоуправления школ) со всех прихожан. Сбором и расходованием общих по губернии налогов на содержание школ заведывали ландратские коллегии под контролем губернского правления. Православные школы имели другую систему финансирования, согласно которой Рига централизованно распределяла средства из государственного бюджета. При православных приходах были также учреждены школьные попечительства, в которые входили представители крестьян. Тем не менее, сами православные не были в состоянии содержать материально свои школы. В отличие от лютеранских школ, они не имели поддержки среди помещиков. Совет по делам православных школ в Риге ежегодно распределял средства для аренды помещения и частично компенсировал зарплату учителям вспомогательных школ. В приходских школах должны были преподавать бесплатно члены причта, священник и псаломщики, которые получали зарплату из Консистории. Тем не менее, к концу XIX века и у представителей чиновников от образования, и у духовенства стали появляться требования о том, что священники и причетники не должны выполнять обязанности учителей. С одной стороны, действительно, не все члены духовенства обладали учительскими способностями

и, самое главное, имели время на уроки. Священники были заняты требами и составлением отчетов для епископа. С другой стороны, в конце XIX века в результате общей секуляризации сознания прослеживается тенденция отделить школу от церкви, от прихода.

Количество школ увеличивалось каждый год. Увеличивались и материальные проблемы: многие школы не имели своего дома, вынуждены были арендовать сырые и темные помещения у местных крестьян. Учителя в православных школах получали самую низкую зарплату, многие были вынуждены наниматься летом батраками и чернорабочими. Феллинский благочинный протоиерей Михаил Василев писал о том, что «Сагаферский учитель Д. Алик уволился от должности и снял в аренду корчму; на его место допущен впредь до усмотрения Михаил Кыртсмик, из кончивших учение в приходской школе.»¹ Многие учителя могли содержать себя только потому, что были холостыми молодыми мужчинами и незамужними женщинами, не имевшими еще семейных обязательств и необходимости заботиться о детях. Зарплата псаломщика-учителя хотя и была больше, в конце XIX века составляла в среднем 250–300 рублей в год, но они нередко были семейными людьми, поэтому для содержания большой семьи этого явно не хватало. Жалобы священников благочинным о том, что зарплата псаломщиков и учителей не позволяет им нормально жить, в конце XIX века учащаются. Так, например, ставший

¹ Отчет 1890 г. за 1889/1890 уч. г. // ИАЭ. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 1780. Л. 9.

позднее знаменитый композитором православный священник Пеэтер Ларедей поначалу наряду с работой псаломщиком и школьмейстером в приходе Хяздемеэсте подрабатывал также и волостным писарем¹.

Во время школьной «зимы» ученики жили при школе. Часто в школах не хватало коек: спали по двое или на холодном полу. Обозреватели отмечали равнодушно отношение к школьным нуждам со стороны приходских школьных управлений и волостных правлений. На отчете Эстляндского губернатора 1902 г., в котором отмечалась скудость средств на православные школы, император Николай II написал: «Нельзя оставить православные школы в этом крае в таком жалком виде»².

Дисциплина и наказания

Установление дисциплины в классе и школе было важным условием успешного функционирования школы. В прошлом остались те времена, когда обучение сопровождалось поркой ребенка. Наказания старой школы критиковались и pietистами, и прогрессивной педагогикой XIX века. Физические наказания уступают место другим методам воздействия на ученика. Так, в одном из отчетов Феллинского благочиния о наказаниях было указано: «По отношению

к ученикам ленивым и шаловливым употребляются меры кротости и увещания совместно с мерами строгости. Ленивых оставляют доучивать невыученный урок, под надзором при помощи учителя или примуса старшего класса; невнимательных чаще вызывают или заставляют стоять на ногах за партой или в углу. Непослушных увещивают пред товарищами или наедине, лишают свободы на час или на два, сообщают о проступках родителям, или же вносят имя провинившегося в “черный” журнал»³. В школе при Оберпаленской церкви, кроме обычных внушений и выговоров, учителя посылали заспанных учеников бегать вокруг школы⁴.

Предметы преподавания

В ранний период развития православных школ (до 1870-х гг.) преподавалась арифметика, чтение и письмо на русском и эстонском языках, краткий катехизис и Священная история, чистописание и церковное пение. На русский язык, Закон Божий и арифметику уходило больше всего часов. В начале XX века во вспомогательной школе изучение родного языка занимало от 2 до 4 часов в неделю, русского — 8. Казалось бы, налицо преобладание русского языка в обучении. Но не следует забывать, что обычно Закон Божий также преподавался на

¹ Отчет о состоянии Гутмансбахской Спасо-Преображенской церкви ... за 1899 год. // ИАЭ. Ф. 5257. Оп. 1. Д. 21. Отчет о состоянии Гутмансбахской Спасо-Преображенской церкви ... за 1899 год.

² Отчет о состоянии православных народных училищ Прибалтийских губерний за 1904–05 учебный год. – С. 19.

³ Так называемый «кондуит». Отчет о состоянии школ по Феллинскому приходу за 1893/4 учебный год. // ИАЭ. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 1783. Б. п.

⁴ Причта Оберпаленской церкви рапорт в 1896/7 г. // ИАЭ. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 1785. Б. п.

латышском или эстонском языке и занимал 6 часов в неделю. Пение (3 часа) также было на местном языке. Таким образом, по количеству часов в православных школах на первом году обучения преобладало обучение на родном языке. Только в последующие годы постепенно уменьшалось в сторону русского, государственного языка. Так, на третьем году во вспомогательной школе родной язык занимал всего 2 часа¹.

В приходской школе на 3-м и 4-м годах обучения добавлялись география, история, естествознание и церковнославянский язык. Преподавались гимнастика и ремесло для мальчиков, рукоделие для девочек.

Обучение русскому языку и введение преподавания основных предметов на русском языке в Остзейских губерниях было нелегким делом. С 1870-х гг. Министерством Народного Просвещения проводится политика усиления преподавания русского языка в народных школах нерусских губерний. Успехи этой политики в Прибалтике были очень скромными. В отчетах отмечалось, что даже многие учителя вспомогательных школ плохо знают русский язык. Такое же положение было по всей Прибалтике. Ревизия сенатора Н. А. Манасеина в

1882 году отмечала, что выпускники учебных заведений Прибалтики знают русский язык крайне слабо².

В результате критических замечаний в 1874–1878 гг. составлена программа улучшения преподавания русского языка, в которой более точно определяются объем и доли преподавания, с упором на свободное чтение, грамматику и правописание. Тем не менее, из-за нехватки квалифицированных учителей и учебников новые программы медленно вводились в школы. Ранние учебники русского языка, написанные без учета методик преподавания языка, предлагали заучивание русских слов и выражений с параллельным переводом на эстонский язык³. Некоторые учебники были просто безграмотными. В то же время созданный в 1870 г. Совет по делам сельских православных народных училищ Прибалтийских губерний следил, чтобы, по крайней мере, учебники Закона Божьего издавались корректно. Например, когда шла подготовка издания книги «Начальное наставление в православной вере» Дмитрия Соколова⁴ на эстонском⁵ и латышском языках, то 30 декабря 1874 г. решением Совета было выделено 70 рублей для осуществления корректуры эстонского и 70 рублей —

¹ Отчет о состоянии православных народных училищ Прибалтийских губерний за 1904–1905 учебный год. – С. 39.

² Исаков, С. Г. Указ. соч. – С. 22.

³ Например, учебники Г. Пороменского, Я. Вальтнера (1869). Jaan Waltner. Tõlk eesti keele tähtiwenekiele wäljakõnne. Dorpat. 1869.

⁴ Государственный исторический архив Латвии (ГИАЛ). Ф. 7454. Оп. 1. Д. 2. Лл. 41–45; Ф. 4754. Оп. 1. Д. 2087. Лл. 9, 14а–15.

⁵ Sokolov, D. Õige risti-usu esimene õpetus: Eesti keele ümber pandud kümnendamast trükist, mis täielikumaks on tehtud Uuewäe Sääduse nõudmise järele nende läbikatsumise tarbeks, kes tahtwad wäeteenistusesse IV klassi ees-õigusega astuda. Riigast, 1875.

латышского издания этой книги, причем подчеркивалось, что ошибки в таких изданиях недопустимы¹.

С конца 1870-х появляются более удачные учебники, как, например, учебник преподавателя Рижской Духовной Семинарии П. Михкельсона «Русская азбука для эстов», пользовавшийся популярностью в православных школах². Методические разработки о преподавании языка появляются только лишь в учебнике русского языка Карла Хейнриха Нигголя (1851–1927), в введении которого объясняется, что обучать чужому языку можно только наглядно и с разъяснением, а не путем механической зубрежки³. В целом, учебник представлял собой ценное пособие для учителя народной школы, часто не владеющего дидактикой и методикой. В 1883 году Нигголь выпустил «Русскую хрестоматию», включавшую 313 текстов художественной литературы и фольклора. Перевод начальных школ на русский язык до 1890 года происходил постепенно. Согласно временным правилам управления народными училищами 1887 года, введение русского языка должно было происходить «по удобству» таким образом, чтобы в последнем классе все предметы, кроме Закона Божия и пения, велись на русском языке. Более жесткая политика начинается с назначением в

1890 г. нового попечителя Дерптского учебного округа Н. А. Лавровского, при котором вводится преподавание на русском языке с первого года изучения. Особенно много протеста вызвало решение перевести обучение «Закона Божия» с местных диалектов на русский язык.

Школьная культура, педагогика и отношения между учителями и учениками

В школе происходит не просто приращение знаний и обучение элементарным операциям чтения, письма и счета, но и развитие личности. На развитие личности влияют многие факторы: общая школьная культура, то, как составлена сетка предметов, педагогические методы учителей и их личность. Также влияет и школьный коллектив, отношения между детьми, динамика в классе.

Кроме учения церкви, на русскую православную педагогику оказывала влияние европейская мысль, как, например, работы Яна Коменского и А. Дистервега (1790–1866). Как известно, в трудах Дистервега, передового педагога прусской школы, большое значение имело понимание работы учителя как, прежде всего, призвания, творчества и миссии.

В руководствах по дидактике, предназначенных для учителей церковных школ, говорилось о том, что

¹ ГИАЛ. Ф. 4754. Оп. 1. Д. 2087. Л. 25.

² Михкельсон, П. Русская азбука для эстов. 1 изд. – Рига 1870, 2-е изд. – Рига, 1875; 3-е изд. – Митава, 1876; 4-е изд. – Митава, 1878, – Рига, 1882. Автор – Пеетер Михкельсон (1842–1914), выпускник Московской Духовной Академии, работал преподавателем физики и математики и инспектором Рижской духовной семинарии. *Исаков*. Указ. соч. С. 59.

³ Niggol, C. H. Vene keele õppimise raamat. Eesti rahvakoolidele kirja pannud C. H. Niggol. – Tartu, 1876. *Исаков*. Указ. соч. С. 62–63.

обучение является лишь частью воспитания. Учебная деятельность не самоцельна, но служит основным задачам воспитания, т. е. приготовления ученика «к высшему призванию в жизни как человека и христианина»¹.

В основе педагогических принципов православных школ лежали труды и взгляды П. Д. Юркевича, который, как и Паисий Величковский, был уроженцем Полтавы, профессором Киевской Духовной Академии, а затем деканом Московского университета. Целью воспитания Юркевич считал совершенство человека, которое он понимал, как «проявление образа Божия делами мудрости, правды, любви и святости». Педагогика, по его мнению, должна вести к «освобождению человека через развитие его моральной сущности».

К учителям требования становились тем выше, чем быстрее развивалась народная школа в конце XIX и начале XX века. Так, директор народных училищ Рижского учебного округа в 1915 г. писал, что в сравнении с прошлым периодом изменилось понимание роли учителя. Идеалы учительства должны быть воспитательные: «Он не должен быть ремесленником, должен видеть и понимать конечную цель своей деятельности, он

должен обладать более значительным умственным горизонтом, выходящим за пределы преподаваемых им в школе предметов»².

Одним из подходов в церковно-приходских школах был принцип спокойного, неспешного обучения. Считалось, что «педагогика есть такая наука, где, чтобы выиграть время, не надо торопиться»³.

В православных, как и в других конфессиональных школах, день начинался с молитвы. Там, где дети оставались на ночь, читались и вечерние молитвы. Некоторые дети пели в церковном хоре. Закон Божий занимал всегда самое большое место в сетке часов. Преподавание этого предмета должно было быть свободно от сухости и рутинности. Считалось, что лучше преподает не образованный богослов, а священник, который умеет выражать богословские понятия в доступной для ребенка форме, умеет «говорить просто и ясно, не понижая ... благоговейного тона». Простота и искренность изложения догматов и Священной Истории были главными критериями в выборе педагога. Дети должны были учить молитвы на слух, повторяя за учителем, а главные события из Ветхого и Нового Завета узнавались «из живого, обстоятельного рассказа

¹ Рецензия Учебного Комитета Священного Синода на учебник трех авторов Мальшевского, Зайцева, Экземплярского «Руководство к начальному обучению», которое получило высокую оценку в качестве учебного пособия для учителей церковно-приходских школ и материалов для дидактики в духовных семинариях. Извлечение из журнала Учебного Комитета при Св. Синоде 23 марта 1870 г. Собрание постановлений и распоряжений // ГИАЛ. Ф. 7462. Оп. 1, Д. 511. Л. 2.

² Канцелярия попечителя Рижского учебного округа. Летние педагогические курсы для учащихся начальных училищ // ИАЭ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 2221. Л. 569.

³ Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. – СПб., 1894. – С. 42.

законоучителя, лишь при этом условии навсегда запечатлеются они в их памяти в образах, облеченных плотию и кровью, а не в форме отрывков вялой прозы, затверженных в учебниках отседа и доселе»¹. Живой рассказ, искреннее чувство и вера были важны в преподавании этого предмета. Даже в период, когда многие предметы преподавались в старших классах на русском языке, в эстонских православных школах Закон Божий преподавался на родном языке учащихся. Считалось, что язык вероучения должен совпадать с языком, на котором читаются молитвы дома и в церкви.

Можно сказать, что в тех школах, где преподаватель умел говорить с детьми о вероучении на доступном для них языке и где вероучение не было оторвано от литургической жизни церкви, у учащихся не могло возникнуть протеста против предмета «Закон Божий». Безусловно, большую роль играла личность, вера и убежденность преподавателя.

Развивался также предмет «Церковное пение», которому посвящалось 4 урока в неделю в 1880-е гг. Развитие хоров и певческой культуры в Эстонии во второй пол. XIX века не могло не коснуться и православной школы. Из отчетов по православным школам мы видим, что музыкальность учителей, например, умение играть на скрипке, была большим плюсом для школы. В семье Яана Кукка

(1898—1986)² очень любили петь. У родителей были прекрасные голоса, дети быстро запоминали репертуар. Соседи собирались на домашние концерты послушать, как поет в три голоса семейство Кукк. Пели как церковные песнопения, так и народные песни. В Валгаской приходской школе Яана и его сестру Маали сразу взяли в церковный хор, которым руководил Андрей Ристкок.

Священник был не только учителем (обычно он вел Закон Божий), но и моральным авторитетом, внушающим уважение и страх. Таким образом, детям давались представления о страхе Божиим, о строгих нравственных требованиях. В воспоминаниях о православной школе в Лейси (Сааремаа) мы читаем, что играющие в свободное время в школьном дворе дети разбежались при виде приближающегося о. Дионисия Самона. Похожее впечатление производил и настоятель Александр Зверев в Торваской школе, который заставил детей вздрогнуть, когда застал их за игрой в карты на школьном дворе. Александр Рянгель, готовившийся к поступлению в Рижскую Духовную Семинарию, запомнил грозное внушение священника: «Разве не знаешь, куда готовишься? Там в карты играть нельзя!»³ Александр также запомнил, что священник не конфисковал карты и, видимо, не стал наказывать детей.

¹ Церковная школа. – СПб. – 1887. – №2. – С. 23.

² Яан (Иван) Кукк закончил Рижскую Духовную семинарию, Омский политехнический институт, Тартуский университет. Судебный исполнитель. Народный судья в Выхну.

³ Литературный музей (Тарту). Архив по истории культуры Эстонии. Ф. 296 (Рижская Духовная семинария). № 6:2. Л. 14.

Популярность и демократичность школ

Православные школы привлекали учеников по многим причинам. Во-первых, в школах царил дух семейственности, доброго отношения к ученикам. Об этом мы можем судить по воспоминаниям. Александр Рянгел считал несправедливой критику учителей православных школ. Его собственные учителя были способными, ответственными и человечными¹. Во-вторых, православные школы привлекали хорошей подготовкой по русскому языку, который становился основным языком администрации и образования в период царствования Александра III. Благодаря урокам русского языка, выпускники православных школ получали возможность поступить в средние учебные заведения. Вероятно, именно поэтому в православных школах был высокий процент неправославных учеников (около 25 %). Так, в 1898/99 учебном году в православных школах Прибалтийских губерний обучалось 18090 учащихся, из которых православных было 13614 человек². В-третьих, для выпускников православных школ в 1886 г. были введены некоторые льготы по прохождению военной службы.

Инспекторов удивляло, что многие крестьяне предпочитали православные школы, даже находившие-

ся на более далеком расстоянии от дома. Считалось, что там лучше учат русскому языку. Осматривая в гор. Везенберге (совр. Раквере) церковно-приходскую школу, окружной инспектор Рижского учебного округа, впоследствии попечитель Оренбургского округа Н. Ч. Зайончковский отмечал, что среди учащихся, владеющих русским языком почти так же, как родным, большинство — лютеране, родители которых живут от г. Везенберга на расстоянии 10—40 верст. Обратившись с вопросом к ученикам, почему они не учатся в своих волостных школах, он получил от них ответ, что в лютеранских школах плохо обучают русскому языку и потому родители отдали их в русское училище³. Хорошее знание русского языка было необходимо и самим православным, и далеко не все православные школы давали его на одинаково хорошем уровне. Например, священник Христофор Винк (1878—1972) в своих воспоминаниях писал, что его отец, желавший создать ему возможно лучшие условия для дальнейшего обучения, забрал его из приходской школы в Ильмъярве и отправил в приходскую школу в Сулаку именно потому, что в Ильмъярве преподавание русского языка было очень слабым. Хорошая подготовка у учителя Ханса Хумала в Сулаку позволила ему успешно поступить в

¹ Там же. Л. 8.

² Гаврилин, А. Указ. соч. С. 308.

³ Плисс, В. И. Историческая заслуга и продолжающееся значение православной начальной школы в Прибалтийском крае для православно-русского дела. Доклад Рижского кафедрального протоиерея // Православные народные школы в Прибалтийских губерниях. Историческое значение их и современное бедственное положение. Издание Прибалтийского Православного Братства. — СПб., 1914. — С. 29.

Рижское духовное училище и продолжить позднее обучение в Рижской духовной семинарии¹.

После окончания православной школы выпускники могли продолжить образование в гимназии, учительской семинарии или Рижской духовной семинарии. Конечно, для поступления в средние учебные заведения требовалась хорошая подготовка. Часто ученикам приходилось заниматься дополнительно, посещая неформальные «летние школы» у своих же учителей.

Образованию девочек уделялось меньше внимания. В 1904–05 гг в школах Лифляндской губернии девочки составляли 41 % от всего количества учеников, в то время как в Эстляндской губернии всего 35 %². Сестра Яана Кукка Маали училась с большими трудностями, так как родители отправляли девочку на заработки пасти скот, в связи с чем она пропускала много школьных дней и к последнему классу совершенно отстала от других учеников³. Образованию мальчиков уделялось больше внимания, так как они должны были сдавать экзамены для получения льгот по воинской повинности. Только мальчиков принимали в Рижскую Духовную Семинарию и в учительские семинарии в Аренсбурге, Тарту и Риге. Несмотря на то что во вспомогательных деревенских школах девочек училось столько же, сколько и мальчиков, в приходских школах их было значительно

меньше. Хотя следует отметить, что существовали некоторые школы для девочек, например, братская школа на Сааремаа в Аренсбурге. Была также школа для дочерей духовенства в Иллуkste в Курляндии (Kugamaa), дававшая образование, приравнивавшееся к гимназическому, но там училось немного эстонок.

Во время немецкой оккупации в период Первой мировой войны (1914–1918) многие православные школы были закрыты, и было введено преподавание на немецком языке. После войны многие православные школы были муниципализованы, так как православные общины не имели средств к содержанию школ. Продолжали действовать воскресные школы, курсы для подготовки к конфирмации, а также преподавался Закон Божий во многих общеобразовательных школах как лютеранским, так и православным детям. Но это уже другая история.

Значение школ.

Успех первого романа тогда еще никому неизвестного аптекаря Оскара Лутса в 1913 г. «Весна: картинки из школьной жизни» был обязан тому, что многие читатели его романа могли представить себя на месте героев книги, юных эстонцев и эстонок, пришедших в школу, в которой они получали не просто знания, но и опыт жизни в обществе, испытание первой любви и дружбы, формирование характера и че-

¹ Музей Нымме (Таллинн). Рукопись: семейная хроника о. Христофора Винка (1956). Л. 18–19.

² Рижские Епархиальные ведомости. – 1906. – № 11–12. – С. 46.

³ Литературный музей (Тарту). Архив по истории культуры Эстонии. Ф. 296. № 5.1. (Воспоминания Яана Кукка).

ловеческих отношений. Роман, который считается «краеугольным национальным текстом», появился в эпоху, когда введение всеобщего начального школьного образования стало действительно опытом целого поколения. Мы знаем, что в школе, где учились герои романа Арно и Теэле, обучение в своей массе шло на русском языке. Например, Тиигу (Юри Кюслап) не может решить задачу по арифметике, пока Арно не переведет для него задание с русского на эстонский. Тем не менее, несмотря на язык обучения, эта школа воспринималась читателями романа не иначе, как национальная. Начальные школы для крестьянских детей, будь они лютеранскими или православным, были, прежде всего, народными. Сетки предметов, язык обучения, методы преподавания, образование учителей, роль духовенства в школе, условия школьного быта и отношения между учениками мало отличались между школами двух конфессий.

В своих воспоминаниях Лутс писал, что школа в «Весне», типичная лютеранская приходская школа, была все-таки школой для зажиточного эстонского крестьянства. В отличие от лютеранских, православные школы были открыты для более бедных слоев эстонского крестьянства. Благодаря поддержке царского правительства и Синода, система православных школ открывала возможности для начального, среднего и высшего образования выходцам из социальных низов. Именно об этом говорили участники совещания эстонского православного

духовенства в Таллинне 6–7 апреля 1917 г., среди которых было и несколько мирян: «Православие стало поддержкой в получении образования для большого числа детей из эстонской бедноты и этим содействовало духовному развитию Эстонии»¹. Таким образом, православие появившееся на эстонской земле как ответ на критическое социально-экономическое положение среди сельского населения, становится важным фактором для развития образования в этом регионе. Со стороны российского правительства, в период 1840–80-х гг., развитию православных школ придается значение гораздо более серьезное, чем школам среди русского населения. Ситуация меняется в период руссификации, когда финансирование православных школ замораживается, а требования к уровню образования повышаются. Тем не менее, они продолжают играть важную роль особенно благодаря возможностям обеспечить преподавание русского языка своими ресурсами. Возможно, что обращения в православие и рост школьной сети заставили и лютеранскую церковь активнее развивать начальное образование в период с 1850-х по 1880-е гг. Согласно переписи 1897 г., уровень грамотности среди населения Прибалтийских губерний на порядок превосходил уровень грамотности в Российской империи в целом (70–77 % по сравнению с 21 % в среднем по Российской Империи). Свой вклад в это достижение внесли также и православные школы.

¹ Цит. по: *Papathomas G. D., Mathias E. P., Palli, H.* (Eds.). The autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise Autonome Orthodoxe D'Estonie. Katerini, 2002. С. 84.

Список литературы

1. Ernits, E. 1973. Xigeusu koolid 1840. Aastatest 1880. aastate koolireformideni. Nõukogude kool, nj.10.
2. Gavrilin, A. Ocherki istorii Rizhskoj eparhii (Essays on the History of Riga diocese). Riga, 1999.
3. Isakov, S. G. Russkij yazyk i literatura v uchebnyh zavedeniyah Jestonii XVII—XIX stoletij (Russian language and literature in schools Estonia XVII—XIX centuries). Isuse no. 2. Tartu, 1974.
4. Kruus, H. Talurahva käärimine Louna-Eestis XIX sajandi 40-ndal aastail. Tartu, 1930.
5. Lejsman, N. Sud'ba pravoslaviya v Liflyandskom krae s 40-h do 80-h godov XIX stoletiya (The fate of the Orthodox Church in the province of Livonia from the 40 to the 80s of XIX century). Riga, 1908.
6. Mihkel'son, P. Russkaya azbuka dlya jestov (Russian ABC for Estonians). Riga, 1875, 1882; Mitau, 1876, 1878.
7. Niggol, C. H. Vene keele õppimise raamat. Eesti rahvakoolidele kirja pannud / C. H. Niggol. Tartu, 1876.
8. Papatomas, G. D., Matthias, E. P., Palli, H. (Eds.). The autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise Autonome Orthodoxe D'Estonie. Katerini, 2002.
9. Plaat, J. Usulikumised, kirikud ja vabakogudused Lääne- ja Hiiumaal: usühen-duste muutumisprotsessid 18. sajandi kesk-paigast kuni 20. sajandi lõpuni. Tartu, 2001.
10. Pliss, V. I. Istoricheskaya zasluga i podolzhayushheesya zbachenie pravoslavnoj nachal'noj shkoly v Pribaltijskom krae dlya pravoslavno-russkogo. Doklad Rizhskogo kafedral'nogo protoiereya (Historical merit, and the continued importance of the Ortho-doxe elementary school for the Orthodox Rus-sian affairs in the Baltic region. Report of the Riga Cathedral archpriest). Pravoslavnye narodnye shkoly v Pribaltijskikh guberniyah. Istoricheskoe znachenie ih i sovremennoe bedstvennoe polozhenie. Izdanie Pribalti-jskogo Pravoslavnogo Bratstva (Orthodox public schools in the Baltic provinces. Their historical significance and the current plight. Edition of Baltic Orthodox Brotherhood). Спб., 1914. Pp. 3-36.
11. Pravila i programmy dlya zerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty (Regulations and programs for parochial schools and schools of literacy). St. Petersburg, 1894.
12. Raudsepp, A. Riia Vaimulik Semi-nar 1846—1918. Tartu, 1998.
13. Rebane, L. Usuvahetuslik liikumine Põhja-Eestis eriti kuberner Polivanovi ajal 1883—1885. Auhinnatöö. Tartu, 1932.
14. Ryan, D. The Tsar's Faith: Conversion, Religious Politics and Peasant Protest in Imperial Russia's Baltic periphery 1845—1870s. PhD Dissertation. UCLA, 2008.
15. Ryzhakova, S. 2005. Latyshskaya nacional'naya istoriyaja: o kul'turnyh mehanizmah v konsruirovanii i referirovanii proshlogo (Latvian national history: about cultural mechanisms in the design and referencing of the past). Antropologicheskij forum, no 11.
16. Сахаров, С. П. Narodnoe obra-zovanie v Yur'evskom uezde. Iz doklada, citannogo 21 noyabrya 1916 g. v Ucheno-Literaturnom Obshhestve pri Imperator-skom Yur'evskom universitete (Education in Yurievskij county. From the report, read November 21, 1916 in the Scientific-Literary Society at the Imperial University Yuryev). Yur'ev, 1917.
17. Sokolov, D. Õige risti-usu esimene õpetus: Eesti keele ümber pandud kümnendamat trükist, mis täielikumaks on tehtud Uueväe Säduse noudmise järele nende läbi-katsumise tarbeks, kes tahtwad wäeteenistu-sesse IV klassi ees-õigusega astuda. Riigas, 1875.
18. Vorob'eva, L. M. Pribaltika na raz-lomah mezhdunarodnogo sopernichestva. Ot nashestviya krestonoscev do Tartuskogo mira 19920 g. M., 2013.
19. Whelan, H. Adapting to Modernity. Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility. Wien, 1999.